Вырезка из газеты
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от . . . 22 СЕН. 40 Газета № . . .
Москва

Наш новый театр

Если спросить нас, работников Центрального театра Красной Армии, какое чувство овладело нами при переходе в новое административное здание театра-дворца на площади Коммуны, — мы честно должны ответить: мы боялись... Боялись всего — огромных масштабов сцены, плохой акустики, отдаленности зрителя от актеров, боялись 4-х этажей своих актерских уборных, боялись, что мы померкнем, поблекнем и бесславно растворимся в этом внешнем великолепии. Даже очень большие оптимисты среди нас говорили, что при самой хорошей видимости и слышимости актеру нужно будет овладеть особым новым искусством необычайной выразительности, иначе-де он не будет впечатлять зрителя.

Вот и я, признаться сказать, перед этим «новым» искусством больше всего и трепетал... Я имел небольшой опыт работы в Ростовском театре-литанте, где в то время (1937 г.) было очень трудно и плохо работать актеру, не желающему быть на сцене только громкоговорителем.

Многие великолепные актеры театра Завадского, имеющие опыт года работы до меня в Ростовском театре, с тоской вспоминали о своем маленьком театре на Сретенке. И я думал, не придется ли нам также вспоминать об уютном зале ЦДКА, где театр начинал существование, или о стареньком здании театра Моссовета...

Но в течение месяца, предшествовавшего стиранию нового театра, и за первые 3—4 спектакля все наши страхи и опасения рассеялись, как дым. Переехав в здание нового театра, мы первое время чувствовали себя, как на необжитой квартире. Еще многое было не закончено, сцена не одета, зрительный зал доделывался, актерские уборные закрыты. Нам было уютно.

Но в первые же дни мы были приятно поражены чудесной акустикой, дающей возможность слышать шепот и даже вдох актера с любого места зрительного зала. В этой области строители театра превзошли все наши ожидания. Фойе, буфеты, зрительный зал поистине великолепны. Я наблюдал за публикой, которая впервые входила в театр. Она чувствовала себя несколько даже смущенной этим великолепием. Да и сами мы, входя в фойе, не можем до сих пор отделаться от ощущения, что мы попадаем в один из дворцов-музеев Ленинграда...

Зритель, пробыв 15 минут до начала спектакля в театре, заражается правдивой его атмосферой. И перед нами возникает огромная задача — состязаться со всем этим великолепием и не превратить по открытию занавеса праздник в будни.

Масштаб сцены, ее техническая оснащенность, которую, кстати сказать, мы пока еще не полностью используем, хорошая акустика и видимость дают нам полную уверенность в том, что мы с этой задачей справимся. Наши средства впечатлять и волновать зрителя — огромны. Но всему тому, что творческий коллектив за 10 лет своего существования научился делать в условиях обычной средней сцены, добавляется огромное могучее средство воздействия — внешняя впечатляемость.

В картине «Июльская ночь» из спектакля «Полководец Суворов» взлетает огненная ракета. В условиях нашей сцены — это незначительный световой эффект, но как этот эффект воодушевляет весь зри-

тельный зал! Да и не только зал, но и всю массу «солдат» на сцене.

В театре так много условностей, что каждая маленькая правда необычайно способствует рождению той большой правды, которую мы хотим нести зрителю и которая составляет наш общий праздник.

До сих пор мы были «кочевым» театром. Вначале долгое время «гостили» в ЦДКА, потом уехали на Дальний Восток, год были в театре Моссовета, год — в помещении Камерного театра. Везде мы устраивались ненадолго и ненакрепко. Новый театр предоставил нам очень большие удобства, которыми пользоваться, может быть, еще один-два театра Москвы. Вся основная часть труппы располагалась на первых двух этажах, то-есть в непосредственной близости к сцене. Третий и четвертый этажи заняты молодежью. Они общаются со сценой лифтом. По обе стороны сцены — две большие прекрасные обставленные комнаты для актеров, ожидающих выхода на сцену. В каждом этаже 8—9 уборных, которые объединяются круглым фойе. Уборные, очень светлые, просторные, хорошо обставлены, телефонизированы, радиофицированы.

Масштабы и могучая техника нашей новой сцены открывают перед нами огромные возможности новых невиданных театральных эффектов. Размеры этой площадки позволяют в случае надобности вводить в действие целые воинские части; на нашу сцену легко могут везать броневики или танки. Но отдавая должное могучей машинерии и великолепному техническому оснащению нашего нового театра и его пространственным возможностям, мы ни на минуту не забываем об основной задаче — разностороннего, глубокого показа человека, его подвигов, его радостей и страданий, его чувств и мыслей.

П. КОНСТАНТИНОВ

актер и режиссер Центрального театра
Красной Армии